

Юань Цзинкунь опустошил миску горячей каши и немного перекусил закусками. Еда пошла на пользу: к лицу постепенно вернулись краски, а в теле появилась долгожданная бодрость.

— Если ты в порядке, я поеду в офис, — проговорил Гун Сино.

Он уже прибрал кавардак в спальне и теперь стоял у кровати, молча наблюдая, как Цзинкунь заканчивает завтрак. Дождавшись, когда тот доест, он собрался уходить.

— Хорошо, — Юань Цзинкунь не искал причин задерживать его, да и в компании Сино он не нуждался.

— В таком случае... отдыхай как следует.

Гун Сино каждый раз уходил с этой фразой — он повторял её так часто, будто заученную по книге цитату.

Когда за ним закрылась дверь, Юань Цзинкунь положил ладонь на живот. Эта зародившаяся в нём жизнь была продолжением другой жизни, способом выразить тоску одного человека по другому, его последней нитью, якорем памяти.

Цзинкуню вдруг подумалось, что смысл этого ребёнка не только в самом факте его существования — он стал чем-то высшим, живым памятником утраченным чувствам.

Гун Сино, вопреки сказанному, в офис не вернулся. Недавние воспоминания слишком сильно выбили его из колеи, подавив всякое рабочее настроение, поэтому он решил поехать домой и отдохнуть.

Пока он вёл машину, перед глазами то и дело всплывала та сцена — их ладони, прижатые друг к другу. Этот образ не желал исчезать, словно настойчивое напоминание о том, что внутри него что-то начало меняться.

Возможно, время ещё просто не пришло, и он сам пока не осознавал этих перемен.

Едва Гун Сино переступил порог виллы, как чьи-то руки крепко обхватили его за талию, а над самым ухом раздался звонкий, весёлый голос:

— Ну что, сюрприз удался?

От неожиданности Сино покачнулся, но, обретя равновесие и разглядев нападавшего, замер в изумлении:

— Ты как здесь оказалась?

— А почему мне нельзя? — вновь раздался сладкий девичий голос.

Перед ним стояла девушка с огромными сияющими глазами. Тёмные изогнутые брови, длинные густые ресницы, трепещущие при каждом взмахе, точёный носик и губы, застывшие в улыбке-полумесяце. Её блестящие чёрные волосы каскадом спадали по спине, а высокая, стройная и удивительно пропорциональная фигура притягивала взгляд. Когда она смеялась, на щеках появлялись очаровательные ямочки. Это была та самая девушка, которую любишь с первого взгляда, просто потому, что от неё веет искренностью.

— Ха-ха! Что, подпрыгнул от страха? Я специально не стала предупреждать! Даже Цинь-сао заранее позвонила, чтобы убедиться, что тебя нет дома. Хотела сделать настоящий сюрприз! — Девушка весело рассмеялась и, наконец, выпустила его из объятий.

Цинь-сао была помощницей, которая вела хозяйство в доме Сино. За те три года, что Гун Сино прожил в Китае после возвращения из-за границы, она неизменно присматривала за виллой.

Цинь-сао приехала из деревни; у неё была тяжелобольная свекровь, а муж и сын едва справлялись с работой в поле. Чтобы прокормить семью, она отправилась на заработки в город. Женщина она была расторопная, работающая, готовила превосходно, а главное — была немногословна, что идеально подходило Гун Сино.

— Понятно, — Сино поставил портфель и принялся переобуваться.

— Какая холодная реакция! Ты что, совсем мне не рад? — Увидев его бесстрастное лицо и услышав сухой тон, девушка заметно расстроилась.

— М-м? — Сино выпрямился. — А как я должен реагировать?

— Ладно, забудь! Ты просто чурбан, с тобой невозможно общаться! — Она, казалось, хорошо знала его характер и не стала обижаться.

В этот момент подошла Цинь-сао:

— Господин Гун, госпожа Юй, обед готов. Можно к столу.

За обедом девушка ела с завидным аппетитом, ничуть не смущаясь своего не самого изысканного поведения. Она то и дело нахваливала еду:

— У Цинь-сао золотые руки, до чего же вкусно!

— Тогда ешь побольше, — Гун Сино пододвинул блюдо ближе к ней.

Вдруг она что-то вспомнила и, наспех проглотив кусок, спросила:

— Ты, кажется, в последнее время совсем зашиваешься. Цинь-сао говорит, ты почти не заходишь домой поесть.

— Есть немного, — аппетита у Сино не было. Он долго жевал крохотную порцию риса, так и не решаясь её проглотить.

— Крёстный о тебе спрашивал! — Она налила ему тарелку супа и поставила перед ним.

— И что же интересовало господина Цзэна? — Сино отложил палочки, давая понять, что обед для него закончен.

Девушка лукаво сверкнула глазами:

— Спрашивал, когда ты на мне женишься!

Сино едва не поперхнулся супом, который только что пригубил.

— Да шучу я, чего ты так напрягся! Спрашивал о твоём здоровье и работе, — она продолжала улыбаться, хотя на душе у неё стало горько.

— Как сам господин Цзэн? Здоровье его не подводит? — Сино взял салфетку и вытер капли супа в уголках губ.

— Ещё как! Каждый день только и думает, куда бы ещё съездить развлечься! — Насытившись, девушка с удовлетворением отложила приборы.

Девушку звали Юй Цзиян. Они познакомились девять лет назад в самолёте, летевшем в США, когда оказались на соседних креслах. По иронии судьбы в суматохе они перепутали чемоданы, а когда стали обмениваться ими, поняли, что прилетели из одного города.

Земляки в чужой стране — это всегда особенная близость. Чтобы сэкономить, они решили вместе снимать жилье и по очереди готовить еду. Сейчас такие отношения называли бы «совместным проживанием ради экономии» — сожительством по расчёту, но тогда это была простая взаимовыручка.

Юй Цзиян была из тех искренних и бесхитростных натур, которые всегда улыбаются и никогда не унывают, какие бы трудности ни подбрасывала жизнь. Своим неисчерпаемым оптимизмом

она заражала каждого, кто оказывался рядом.

Сино любил её характер, её стиль жизни и отношение к миру. Он всегда относился к ней как к родной сестрёнке. Юй Цзиян тоже любила его: его высокий рост, мужественную внешность, рассудительность и тот особый темперамент — холодный снаружи, но тёплый внутри. Он давно был объектом её тайной любви.

Цзиян молчала, а Сино предпочитал делать вид, что ничего не замечает. Никто из них не хотел разрушать ту чистоту, что была между ними.

Гун Сино изучал архитектурное проектирование, а Юй Цзиян — дизайн одежды. Профессии разные, но в чём-то очень близкие. Цзиян не раз выигрывала стипендию, учреждённую мэтром китайской моды за рубежом — господином Цзэном. Старик был поражён её талантом и, не имея собственных детей, в порыве радости объявил её своей названной дочерью.

Со временем господин Цзэн познакомился и с Гун Сином. Старик привязался к надёжному парню и даже хотел признать его названным сыном. Однако Сино вежливо отказался, да и Цзиян была против — так затея и провалилась. Но старик истолковал их отказ по-своему: решил, что молодые люди тайно влюблены и собираются пожениться. Юй Цзиян не стала ничего объяснять, позволив ему верить в это заблуждение.

— Кушать хочется! Хочу лапши! — Цзиян заглянула в кабинет, прислонившись к дверному косяку. На ней была мешковатая пижама с медвежатами, а губы она капризно надула, заигрывая с Гун Сином.

— Ох, ладно, — Сино задвинул клавиатуру под стол и поднялся, чтобы пойти на кухню.

— Хи-хи, — Цзиян глуповато заулыбалась и зашлёпала босыми ногами следом за ним.

Сино стоял к ней спиной, сосредоточенно варя лапшу и поджаривая яйцо. Цзиян, подперев подбородок ладонями, во все глаза смотрела на него. Этот мужчина за любое дело брался с такой серьёзностью, что сердце невольно сжималось от нежности.

подавив желание подойти и обнять его, она дождалась, когда перед ней поставят миску с дымящейся лапшой, украшенную золотистой яичницей. Сино сел рядом, приготовив порцию и для себя.

Юй Цзиян привычным движением выковыряла желток, а весь белок переложила в тарелку Сино — в точности как в былые времена. Они ели в тишине, и на мгновение Цзиян показалось, что они снова вернулись в те далёкие, счастливые годы.

После того как Юань Цзинкунь едва не потерял ребёнка, его захлестнула новая волна токсикоза.

Обычно Гэн Синь готовил всего два-три блюда, которые они вдвоём не могли осилить. Продукты вечно пропадали, и Цзинкуню приходилось доедать вчерашнее. Со временем они усвоили урок и стали готовить понемногу, стараясь, чтобы еда всегда была свежей.

На ужин Гэн Синь, как обычно, приготовил три блюда: два овощных и одно мясное, а в дополнение — тарелку остро-кислого супа для аппетита.

Юань Цзинкунь сидел за столом, но один взгляд на лоснящиеся от масла овощи заставил его желудок протестующе сжаться. Он изо всех сил подавлял приступ тошноты: левой рукой упёрся в стол, прикрыв нос кулаком, а в правой зажал палочки, даже не пытаясь поднести их к тарелке.

Гэн Синь, видя, что тот не приступает к еде, не решался начинать сам и терпеливо ждал.

Наконец, не в силах больше бороться с собой, Юань Цзинкунь отложил палочки и быстро проговорил:

— Ешь без меня.

— А? Ладно! — Гэн Синь не заметил, что тому плохо, и спокойно принялся за ужин.

Добравшись до спальни, Юань Цзинкунь заперся и бросился в ванную. Склонившись над унитазом, он зашёлся в мучительном приступе рвоты.

Всё, что он съел днём, вышло без остатка. Желудок опустел, но спазмы не прекращались: теперь его рвало одной горькой желчью. Обессиленный, в холодном поту, он попытался подняться, смыл за собой, но ноги отказывались подчиняться.

Он постоял мгновение, пытаясь сделать шаг, но внезапная волна головокружения накрыла его. Не успев среагировать, он бессильно осел прямо на крышку унитаза.

Юань Цзинкунь сидел, низко опустив голову, и ждал, когда отпустит. Мучительная тошнота выпила из него все силы. Дома был Гэн Синь, но звать его не хотелось: Цзинкунь не желал прерывать его ужин, а главное — не хотел, чтобы кто-то видел его в таком жалком, беспомощном состоянии.

Когда стало чуть легче, он медленно поднялся и вышел из ванной. Шатаясь, он добрался до кровати и рухнул на неё. Только теперь он почувствовал, как пропитанная потом одежда неприятно липнет к коже. Но сил на то, чтобы принять душ или хотя бы переодеться, не осталось. Юань Цзинкунь лежал в темноте, надеясь лишь на то, что скоро этот приступ

пройдёт и он сможет привести себя в порядок.

<http://bllate.org/book/17488/1694441>